

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1971.3.07>

С. ЛАУЛ

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КУРГАНОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЭСТОНИИ

Начиная с середины I тысячелетия н. э. в юго-восточной Эстонии стал распространяться новый тип могильных памятников — длинные и круглые курганы, резко отличающиеся от типичных для эстонских племен каменных могильников с оградками. По вопросу об этнической принадлежности этих курганов были высказаны до сих пор различные точки зрения. Началом научного исследования длинных курганов на территории Эстонии следует считать раскопки Х. Моора, произведенные в 1925 г. на курганном могильнике Арнико на восточном берегу р. Ахья.¹ Так как ни в письменных источниках, ни в народной традиции не сохранилось сведений о том, что на упомянутой территории жили какие-либо племена, кроме эстонцев, Х. Моора пришел к выводу, что этот считающийся обычно славянским тип могильников был перенят эстонцами при их сприкосновении со славянами.²

Позже было высказано предположение, что длинные и круглые курганы оставлены восточнославянским племенем кривичей.³ В последнее время в археологической литературе все большее распространение получает мнение о том, что длинные и круглые курганы, которые встречаются на обширной территории от юго-восточной Эстонии до Смоленщины и различаются как по времени и устройству, так и по инвентарю⁴, не принадлежат этнически однородным племенам. При этом особое значение придается балтийскому субстрату, поскольку именно южные группы этих курганов — полоцкая и смоленская — расположены на землях, исконно заселенных древними восточнобалтийскими племенами.⁵ Курганы юго-восточной Эстонии и Псковщины имеют некоторые отличия по сравнению с курганами южных групп, что, по мнению М. Шмидехельм, обусловлено образованием курганов псковской группы на другой этнической основе, а именно — прибалтийско-финской.⁶ Еще недавно держалось мнение, что территория распространения курганов в юго-восточной Эстонии была заселена смешанным населением.

¹ Отчет о раскопках в Институте истории Академии наук Эстонской ССР (в дальнейшем ИИ).

² Eesti ajalugu I. Tartu, 1935, стр. 129.

³ С. А. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы. Советская археология, XIX, М., 1954, стр. 75 и сл.; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 128; В. В. Седов, Кривичи. «Советская археология», 1960, № 1, стр. 47 и сл.

⁴ Исходя из этого, исследователи выделили северную группу этих курганов (так наз. псковскую) и южные группы (полоцко-смоленские). (См. С. А. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы. Советская археология, XIX, стр. 98).

⁵ И. И. Ляпушкин, Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древне-русского государства (VIII—IX вв.). В кн.: Культура древней Руси, М., 1966, стр. 134; Е. А. Шмидт, Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I-го тысячелетия н. э. Acta Baltico-Slavica, т. 6. Bialystok, 1969, стр. 143—144.

⁶ M. Schmie de helm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. В кн.: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo. Tallinn, 1965, стр. 48.

нием, состоявшим из прибалтийско-финских, славянских и балтских этнических элементов.⁷

Полученный в последние годы археологический материал заставляет снова остановиться на этом вопросе и пересмотреть собранные до сих пор материалы.

Чтобы лучше понять ту среду, в которой в середине I тысячелетия появились длинные и круглые курганы, нужно обратиться к началу этого тысячелетия, когда в юго-восточной Эстонии, как и на остальных территориях распространения прибалтийско-финских племен, сформировались основные племенные группы.

В раннем железном веке, когда племена стали все больше обособливаться, в восточной Латвии образовалась отдельная культурная область, которая отчасти простиралась и в юго-восточную Эстонию. Вплоть до рубежа нашей эры эта область была слабо заселена, особенно скудны данные о заселенности юго-восточной Эстонии. В восточной Латвии, где природные условия были несколько благоприятнее для развития основной в то время отрасли хозяйства — животноводства, известно больше археологических памятников — как поселений, так и могильников.⁸ В начале I тысячелетия н. э. в восточной Латвии были распространены могильники особой формы, которые, очевидно, представляют собой видоизмененный вариант каменных курганов с ящиками, характерных для западных прибалтийско-финских племен. Это насыпанные из песка курганы, наиболее ранние из которых содержат еще каменные ящики, поздние же — разные иные каменные конструкции (напоминающие четырехугольные оградки, каменные ряды или кладки). Наиболее известными из таких могильников, состоящих из песчаных курганов, являются в восточной Латвии могильники в Пунтузи, Наудушева, Салениеки и некоторые другие.⁹ В описанных курганах до II в. преобладало трупоположение. Начиная с III в., когда на других территориях прибалтийско-финских племен стало преобладать трупосожжение, последнее вошло в обычай и в упомянутых восточно-латвийских могильниках, причем курганы стали заменяться каменными могильниками. Были ли курганы с трупоположением распространены и в районах, пограничных с восточной Латвией, современное состояние изученности этих земель установить не позволяет.

В первые века I тысячелетия в связи с развитием земледелия уплотняется население в юго-восточной Эстонии, особенно в ее западной части. Сюда, очевидно, проникают новые группы населения из древних центров северо-западной пограничной части юго-восточной Эстонии и с северного подножья Видземской возвышенности. В западной части юго-восточной Эстонии формируется племенная территория, которую характеризуют особые формы украшений¹⁰ (дискообразные фибулы с шишечками по краям, перекладчатые фибулы с узкими перекладинами), а в качестве погребальных памятников — каменные могильники оградочной конструкции. На юго-востоке Эстонии территория распространения этих могильников совпадает с ареалом распространения гартуского диалекта эстонского языка (рис. 1).

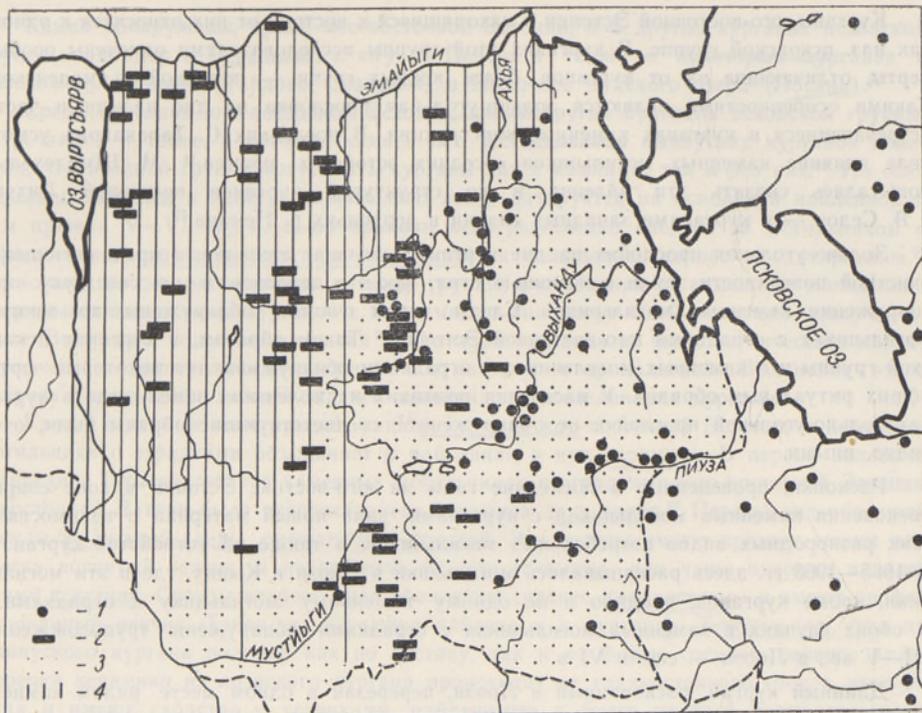
В то же время восточная окраина юго-восточной Эстонии, где распространен вурский диалект, оставалась малозаселенной, как и близкая ей в культурном отношении восточная Латвия. Восточная часть юго-восточной Эстонии и восточная Латвия имели в то время некоторое сходство с восточной территорией расселения прибалтийско-финских племен в окрестностях современных Великих Лук и Пскова, где погребальных памятников первой половины I тысячелетия не обнаружено. Х. Моора считал, что в

⁷ M. Schmiedehelm, S. Laul, Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. В кн.: Studia arhaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970, стр. 163.

⁸ Я. Граудонис, Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1964, карта на рис. 1.

⁹ Там же, стр. 50—52, 55—57, 75; R. Snore, Die Hügelgräber und Steinsetzungen der römischen Kaiserzeit bei Salenieki (Lettland). Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1932, Tartu, 1935, стр. 278—299; R. Snore, Izrakumi Salenieku «Kara kapos» Mäkašānu pagasta. В кн.: Senatne un Mäksla II. Rīgā, 1936, стр. 25—46.

¹⁰ S. Laul, Jaagupi tarandkalme Elva rajoonis. В кн.: Muistsed kalmed ja aarded. Tallinn, 1962, стр. 37.

Распространение могильных памятников I тысячелетия н. э. и диалектов эстонского языка в юго-восточной Эстонии.

1 — длинные и круглые курганы; 2 — каменные могильники с оградками; 3 — вырусский диалект; 4 — тартуский диалект.

этом районе обитала восточная группа прибалтийско-финских племен — чудские племена.¹¹ К ним можно причислить тогдашнее население районов распространения вырусского диалекта, хотя они имеют и некоторые черты, свойственные более западным племенам.

На территории чудских племен в окрестностях Псковского озера и в бассейне р. Великой появились в середине I тысячелетия могильники из длинных и круглых курганов. Одновременно проникают курганы и в восточную часть юго-восточной Эстонии, в область распространения вырусского диалекта, доходя до территории распространения могильников с оградками и тартуского диалекта. В контактной полосе вырусского и тартуского диалектов курганы иногда встречаются непосредственно рядом с ранее возникшими каменными могильниками.¹² Поскольку территория распространения курганов ранее была, очевидно, заселена редко, многочисленность курганов позволяет полагать, что сюда переселились группы населения с востока. На это указывает также и обстоятельство, что курганы располагаются на юго-востоке Эстонии вдоль тех рек (Ахья, Выханду, Пиуза), которые впадают в Чудское и Псковское озера, тогда как по рекам, связанным с юго-западным водным бассейном, курганов не обнаружено.¹³

¹¹ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых других соседних народов в свете данных археологии. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 106.

¹² M. Schmiedehelm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. В кн.: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo, стр. 48; M. Schmiedehelm, S. Laul, Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. В кн.: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora, стр. 154.

¹³ Единственное исключение составляет самый западный небольшой курганный могильник, находящийся на восточном берегу реки Мустьйги в Кригулипалу. (А. Суйк, Описание археологических памятников кихельконда Рыуге. 1922, в архиве ИИ).

Курганы юго-восточной Эстонии и находящиеся к востоку от них относятся к одной, так наз. псковской группе. В курганах этой группы исследователями отмечены особые черты, отличающие их от курганов более южных групп — полоцкой и смоленской. Такими особенностями являются зольно-угольная прослойка на дне насыпи и часто встречающиеся в курганах каменные конструкции. В последних С. Тараканова усмотрела влияние каменных могильников соседних эстонских племен.¹⁴ М. Шмидехельм попыталась связать эти явления и со структурой курганов восточной Литвы, а В. Седов — с курганами западных славян в верховьях р. Немана.¹⁵

Зольно-угольная прослойка на дне курганов связана, очевидно, с предварительной очисткой поверхности земли с помощью огня, как это делалось и по соседству при сооружении каменных могильников. Следы такой очистки обнаружены во многих могильниках с оградками юго-восточной Эстонии.¹⁶ Таким образом, в курганах псковской группы и в каменных могильниках с оградками обнаруживаются некоторые черты общих ритуальных обрядов. У населения полоцких и смоленских земель, где в курганах зольно-угольной прослойки не обнаружено¹⁷, соответствующие обряды были, очевидно, иными.

Раскопки, проведенные в последние годы на юго-востоке Эстонии в зоне соприкосновения каменных могильников с курганами, дали новый материал о взаимосвязи этих разнородных видов погребальных могильников, а также об устройстве курганов. В 1965—1968 гг. здесь раскапывались могильники в Лоози и Кынну, где в эти могильники, кроме курганов, входило и по одному каменному могильнику с оградками.¹⁸ В обоих случаях в каменных могильниках с оградками обнаружены трупосожжения III—V вв., в Лоози — еще и VI в.

Длинный курган, раскопанный в Лоози, перерезан в одном месте рядом камней, напоминающим стенки оградок каменных могильников.¹⁹ С последними связывает этот курган и найденная в нем гладкостенная керамика. В северо-восточной части кургана, образовывавшей первоначально отдельный небольшой курган, обнаружена урна, а в ней три формочки для литья оловянных предметов второй половины I тысячелетия.²⁰

Круглый курган в Кынну имел в основании каменную кладку, вполне соответствующую кладкам поздних частей каменных могильников юго-восточной Эстонии, которые к V—VI вв. уже утрачивали свою правильную оградочную структуру.²¹ В кургане были обнаружены железная пряжка V—VI вв. и два глиняных сосуда (один из них текстильный), использованные в качестве погребальной урны с крышкой. Такая керамика обычна для каменных могильников с оградками юго-восточной Эстонии до середины I тысячелетия. Таким образом, курганы в Лоози и особенно в Кынну как по своему расположению (возле каменных могильников с оградками) и конструкции, так и по керамике тесно связаны с каменными могильниками, на основании чего М. Шмидехельм высказала предположение, что кыннуский курган можно приписать той же этнической группе, которой был выстроен непосредственно соприкасавшийся с ним каменный могильник с оградками.²²

¹⁴ С. А. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы. Советская археология, XIX, стр. 93.

¹⁵ M. Schmiedehelm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. В кн.: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost, стр. 39; В. В. Седов, Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья, М., 1970, стр. 97.

¹⁶ S. Laul, Virunuka tarandkalmed Võru rajoonis. «Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised — Ühiskonnateaduste Seeria» 1965, № 3, стр. 319.

¹⁷ С. А. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы. Советская археология, XIX стр. 94.

¹⁸ M. Schmiedehelm, S. Laul, Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. В кн.: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora, стр. 154 и сл.

¹⁹ Там же, стр. 160 и табл. IV.

²⁰ Там же, стр. 161, рис. 4.

²¹ Там же, табл. III.

²² Там же, стр. 163.

Камни обнаружены, кроме юго-восточной Эстонии, и в других курганах псковской группы, например в Верепкове, к югу от Печор, а также в некоторых курганах в низовьях р. Великой (Тайлово, Северики) и восточнее Чудского озера (Лосица).²³

Среди курганов юго-восточной Эстонии, как и других курганов псковской группы, встречаются и такие, в которых камней нет. Исследования кынных курганов показали, что в одной группе могут быть курганы как с камнями, так и без них.²⁴ Но если курган с камнями в Кынну сравнительно легко датируется на основании найденной в нем пряжки V—VI вв., т. е. по времени непосредственно следует за могильником с оградками, то песчаные курганы без камней, к сожалению, точнее не датированы.²⁵ Поскольку же они расположены на краю группы, в отдалении от каменного могильника и примыкающих к нему курганов с камнями, то они могут быть несколько более поздними. Возможно, подобные различия в структуре курганов не имеют этнического характера, как это иногда предполагалось²⁶, а связаны с хронологией. Выяснение этого вопроса является важнейшей задачей дальнейшего исследования курганов.

Кроме каменных конструкций, ранние курганы юго-восточной Эстонии и каменные могильники с оградками объединяет и найденная в них керамика. В первой половине и середине I тысячелетия в каменных могильниках с оградками юго-восточной Эстонии и восточной Латвии была распространена керамика двух видов.²⁷ Первый вид образуют сосуды из рыхлой глины, смешанной с дресвой. Эти сосуды имеют прямые стенки или слегка вогнутый венчик, а поверхность их или сглажена, или чаще покрыта вдавлениями текстиля. Сосуды второго вида обожжены сильнее, гладкостенны и имеют профилированный венчик. Такая же керамика найдена и в курганах. Текстильная урна из кынского кургана подобна как по составу, так и по форме сосудам первого вида. Черепки керамики из лозиского кургана происходят от гладкостенного сосуда второго вида и имеют сходство с черепками, найденными в более поздней части лозиского могильника с оградками.²⁸

Следовательно, керамика каменных могильников имеет сходство с керамикой из ранних курганов Кынну и Лоози, которые по времени следовали сразу за каменными могильниками с оградками, а частично, вероятно, использовались одновременно с ними. Однако в курганах обнаружена и керамика иного характера.

В середине I тысячелетия в керамике юго-восточной Эстонии произошли некоторые изменения. Текстильная керамика употреблялась до VI в. Об этом свидетельствуют находки из более поздней части каменного могильника с оградками в Вирунука и с городища и поселения в Рыуге.²⁹ Позже на территории распространения текстильной керамики вошла в употребление керамика, сосуды которой по форме несколько сходны с рыхлой керамикой каменных могильников, но глина которых содержит особенно крупную дресву. Эта грубая керамика с дресвой составляет преобладающую часть керамики, обнаруженной на городищах I тысячелетия юго-восточной Эстонии.³⁰ Из-за

²³ Отчет О. Саадре о раскопках 1937 г., в архиве ИИ; С. А. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы. Советская археология. XIX, стр. 96 и рис. 5.

²⁴ M. Schmiedehelm, S. Laul, Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. В кн.: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora, стр. 161.

²⁵ Они не раскопаны полностью; для выяснения их конструкции их конструкции были очищены лишь некоторые профили в местах повреждений.

²⁶ M. Schmiedehelm, S. Laul, Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. В кн.: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora, стр. 164.

²⁷ S. Laul, Virunuka tarandkalmed Võru rajoonis. «Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised — Ühiskonnateaduste Seeria» 1965, № 3, стр. 342 и сл.

²⁸ M. Schmiedehelm, S. Laul, Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. В кн.: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora, стр. 157, рис. 3.

²⁹ S. Laul, Virunuka tarandkalmed Võru rajoonis. «Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised — Ühiskonnateaduste Seeria» 1965, № 3, стр. 346, 350; М. Х. Шмидехельм, Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. В кн.: Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, стр. 162.

³⁰ М. Х. Шмидехельм, Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. В кн.: Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I. Вопросы этнической истории народов Прибалтики, стр. 163—164.

многочисленности находок керамики этого типа на городище Рыуге она стала называться рыугеской.

Часть керамики из курганов юго-восточной Эстонии по составу и форме имеет сходство с керамикой рыугеского типа, найденной на городищах, принадлежавших южно-эстонским племенам.³¹

Такая же керамика в общем представлена как в курганах псковской группы, распространенных к востоку и юго-востоку от юго-восточной Эстонии, так и на городищах этой территории (Псков, Камно).³² Поэтому городища с керамикой рыугеского типа и курганы псковской группы следует считать памятниками одной и той же племенной группы. Урны из полоцких и смоленских курганов³³ заметно отличаются от описанной выше керамики.

Различия между курганами псковской группы и более южными проявляются не только в керамике, но и в остальном инвентаре. Е. Шмидт и В. Седов подчеркивают латгальский характер могильного инвентаря смоленских и полоцких курганов.³⁴

Курганы юго-восточной Эстонии, как и остальные курганы псковской группы, этнографически бедны находками. Характерны для них маленькие выпуклые блюдца-скорлупки. В некоторых курганах юго-восточной Эстонии (Арнико, Лоози) найдены орудия для литья металла (формочки, тигель), соответствующие тиглям и литейным формочкам как из рыугеского городища, так и из городищ Псковщины.³⁵

В курганах юго-восточной Эстонии обнаружены и отдельные предметы балтийского типа, такие как колокольчикообразные подвески из кургана в Арнико и пряжка с вогнутой передней частью из кургана в Линдора.³⁶ Это дало повод предполагать, что вместе с кривичами в юго-восточную Эстонию в некоторой мере могли проникнуть и представители балтийского этнического элемента.³⁷ Правильнее, наверно, в этих предметах балтского типа видеть влияние латгальской культуры, чем свидетельство об этническом смещении. Расцвет латгальской культуры оказал сильное влияние на соседние территории, вследствие чего вся металлокультура восточноэстонских племен во второй половине I тысячелетия приняла латгальский облик. Наиболее сильным оказалось это влияние на непосредственных соседей латгалов, особенно в юго-восточной Эстонии, где

³¹ M. Schmie dehelm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. В кн.: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo, стр. 41—42; M. X. Шмидехельм, Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. В кн.: Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I. Вопросы этнической истории народов Прибалтики, стр. 184.

³² С. А. Тараканова, Псковские курганы с трупосожжением. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XXXVI. М., 1951, стр. 147; Я. В. Станкевич, К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 76, М.-Л., 1960, рис. 83, 84: 2.

³³ В. В. Седов, Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 100, рис. 25.

³⁴ Там же, стр. 103, рис. 27; Е. А. Шмидт, Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I-го тысячелетия н. э. Acta Baltico-Slavica, т. 6, стр. 138 и сл.; Е. А. Шмидт, К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов. В кн.: Материалы по изучению Смоленской области, вып. VII, Смоленск 1970, стр. 235.

³⁵ M. Schmie dehelm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. В кн.: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo, стр. 45; M. Schmie dehelm, S. Laul, Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. В кн.: Studia arhaeologica in memoriam Harri Moora, стр. 160, рис. 4; M. Шмидехельм, Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. В кн.: Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, I. Вопросы этнической истории народов Прибалтики, стр. 179, табл. V; С. А. Тараканова, Раскопки древнего Пскова. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XXVII. М., 1949, стр. 396: 11—13.

³⁶ ИИ 2591 : VI : 6; ИИ 4285 : IX : 1.

³⁷ M. Schmie dehelm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. В кн.: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo, стр. 48; M. Schmie dehelm, S. Laul, Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. В кн.: Studia arhaeologica in memoriam Harri Moora, стр. 163.

предметы латгальского типа часто встречаются в городищах, но, как мы видели, иногда и в курганах.

Общую бедность находками курганов юго-восточной Эстонии можно сопоставить с малочисленностью инвентаря в каменных могильниках эстонских племен середины I тысячелетия. Начиная с конца IV в. уменьшается количество находок в каменных могильниках с оградками. Особенно заметно это изменение в каменных могильниках юго-восточной Эстонии, где поздние погребения почти не сопровождаются инвентарем. Так это было, например, в IV и V могильниках Вирунука, а также в восточной части каменного могильника Лоози, где хоронили в V, и отчасти еще и в VI вв.³⁸

Кроме уже отмеченных расхождений между курганами юго-восточной Эстонии и другими курганами псковской группы, с одной стороны, и южными, с другой, существует между ними и разница во времени. Исследование курганов юго-восточной Эстонии показало, что самые ранние из них относятся к V—VI вв.³⁹ Некоторые исследователи, например С. Тараканова, считают длинные курганы более ранними, чем круглые.⁴⁰ В юго-восточной Эстонии такое различие во времени не наблюдается. Раскопки курганов Линдора, Кынну и Лоози подтверждают, что здесь заметного временного различия между длинными и круглыми курганами нет. Более или менее одновременными являются лоозиский длинный курган и кыннуский круглый с камнями. При этом длинные курганы в Линдора и Лоози возникли путем срастания двух-трех небольших круглых курганов. М. Шмидехельм считает возможным, что на такой способ возникновения длинных курганов оказал влияние структурный принцип каменных могильников, оградки которых последовательно пристраивались одна к другой.

Такие ранние курганы, как псковские, не известны ни полоцкой, ни смоленской группе. Наиболее ранние там датированы VII—VIII вв., большинство же относится к VIII—IX вв.⁴¹

Приведенные отличительные черты курганов псковской группы и расположенных южнее в структуре, находках и по времени позволяют предположить, что этот вид могильников, распространенный на обширной территории, не принадлежал одной и той же племенной группе.

В вопросе об этнической принадлежности длинных и круглых курганов нет единого мнения. Многие исследователи (С. Тараканова, В. Седов, П. Третьяков и др.) считали, что они на всей территории своего распространения принадлежали восточнославянским племенам кривичей. Эту точку зрения разделяли также Х. Моора и позже М. Шмидехельм, опираясь в значительной мере на данные языковедения.⁴²

Относительно курганов Смоленщины И. Ляпушкин и Е. Шмидт в последнее время убедительно доказали, что они принадлежат восточнобалтийским или ославянившимся восточнобалтийским племенам.⁴³ Эту точку зрения принял и В. Седов, частично отказав-

³⁸ S. Laul, Virunuka tarandkalmel Võru raioonis. «Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised — Ühiskonnateaduste Seeria» 1965, № 3, табл. IV; M. Schmie dehelm, S. Laul, Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. В кн.: *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*, стр. 155, табл. II.

³⁹ M. Schmie dehelm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. В кн.: *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo*, стр. 46; M. Schmie dehelm, S. Laul, Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. В кн.: *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*, стр. 163.

⁴⁰ С. А. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы. Советская археология. XIX, стр. 107 и сл.

⁴¹ Е. А. Шмидт, Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I-го тысячелетия. *Acta Baltico-Slavica*, т. 6, стр. 135; В. В. Седов, Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 104.

⁴² Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В кн.: *Вопросы этнической истории эстонского народа*, стр. 128; M. Schmie dehelm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. В кн.: *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo*, стр. 48.

⁴³ И. И. Ляпушкин, Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Ленинград, 1968, стр. 117—118; Е. А. Шмидт, Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I-го тысячелетия н. э. *Acta Baltico-Slavica*,

шись от своей прежней противоречивой гипотезы о том, что племена кривичей, двинувшись из верховьев Немана, заселили псковские земли и оттуда стали двигаться обратно к югу, по направлению к Полоцку и Смоленску.⁴⁴ Курганы же псковской группы В. Седов по-прежнему считает принадлежавшими потомкам западнославянского племени венедов, двигавшихся из верховьев Немана к северу.⁴⁵ При этом он связывает между собой распространенные на обеих территориях курганные могильники и подтверждение своей гипотезе ищет в данных языка. Гипотеза В. Седова содержит много противоречий, на которые уже обращалось внимание.⁴⁶ Одно из существенных противоречий связано с хронологией верхненеманских курганов. Оказывается, что эти курганы не старше, а, наоборот, значительно моложе курганов псковской группы.⁴⁷ Это противоречие заставляет серьезно усомниться в точке зрения В. Седова. Представляются искусственными попытки найти связь между не совпадающими во времени погребальными памятниками двух областей, которые были к тому же отделены одна от другой территорией расселения балтийских племен. При этом, как показано выше, курганы псковской группы как этого, так и предыдущего периода, имеют гораздо больше общих черт с памятниками прибалтийско-финских племен, что ставит под сомнение вторжение чужих этнических элементов в юго-восточную Эстонию и псковские земли.

Курган обычно считался чуждой для прибалтийско-финских племен формой могильника. Как отмечено в начале статьи, в первые века I тысячелетия в восточном культурном районе южных эстонцев, очевидно, была распространена форма погребальных памятников, восходящая к каменным курганам с ящиками, а именно — песчаные курганы с различными каменными конструкциями внутри (Салениеки, Пунтузи и др.). Такие же каменные конструкции повторяются в длинных и круглых курганах псковской группы. Различен только способ захоронения — в курганных могильниках восточной Латвии начала I тысячелетия мы видим труположения, а в курганах второй половины того же тысячелетия — трупосожения. Трупосожение распространилось также у южноэстонских племен и в восточной Латвии и в III—IV вв. стало доминирующим. К сожалению, на территории, граничащей на востоке с юго-восточной Эстонией и восточной Латвией, памятники первой половины I тысячелетия пока не исследованы. Можно полагать, что и там имеются песчаные курганы типа Салениеки, однако поскольку захоронения в них часто не сопровождаются инвентарем, датировка их затруднена.

Чуждое для финно-угорских племен явление представляют собой встречающиеся в курганах захоронения в урнах. Хотя в каменных могильниках южноэстонских племен обнаружено много керамики, глиняные сосуды там не служили урнами. Очевидно, этот способ захоронения заимствован у южных племен, где он был распространен гораздо больше. В. Седов, сравнивая урновые погребения псковских и смоленских курганных могильников, отмечает, что в южных курганах более половины из исследованных погребений было в урнах. В курганах же псковской группы процент урновых погребений невелик.⁴⁸

Несколько подробнее следует остановиться на языковых данных. Уже отмечалось, что ареал распространения длинных и круглых курганов юго-восточной Эстонии совпадает с территорией распространения вырусского диалекта эстонского языка. Одним из существенных аргументов в пользу приписывания этих курганов славянским племенам

т. 6, стр. 143; Е. А. Шмидт, Археологические данные об этническом составе смоленских кривичей в IX—X вв. В кн.: Тезисы докладов советской делегации на II международном конгрессе славянской археологии в Берлине (август 1970). М., 1970, стр. 62.

⁴⁴ В. В. Седов, Кривичи. «Советская археология», 1960, № 1, стр. 56; В. В. Седов, Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 105.

⁴⁵ Там же, стр. 107.

⁴⁶ П. Н. Третьяков, Древние городища Смоленщины. В кн.: П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт, Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1963, стр. 35; M. Schmie dehelm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. В кн.: Slaavi-läänemere-soome suhete ajaloo, стр. 47; П. Н. Третьяков, У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 66.

⁴⁷ Ф. Д. Гуревич, Древности Белорусского Понемья. М.-Л., 1962, стр. 75.

⁴⁸ В. В. Седов, Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 96.

приводятся известные фонетические особенности вырусского диалекта, поясняемые влиянием русского языка.⁴⁹ Однако не доказано, что эти особенности являются столь древними. Наоборот, М. Муст отметила в отношении наиболее распространенной в вырусском диалекте русской черты — *kri-* (*kre-*) в начальном слоге, что эта особенность появилась, вероятно, не раньше XV в.⁵⁰

Вторым существенным аргументом выдвигались славянские словарные заимствования, представленные во всех эстонских диалектах, но больше всего в вырусском. Значительная часть русских заимствований восходит к тому времени, для которого уже и письменными источниками засвидетельствованы тесные связи между эстонцами и русскими. Распространению русских заимствований, особенно в языке южных эстонцев, способствовало и соседство этих двух народов на протяжении долгого времени.⁵¹

В эстонском языке имеются славянские заимствования, фонетический облик которых говорит о возможности их очень раннего заимствования.⁵² Языковеды в качестве таких приводят слова *koonal*, *sundima*, *und* (рус. *кудель*, *судить*, *уда*), где сонорный *n* отражает в свое время существовавший в русском языке назальный гласный. По данным П. Аристе, в X или XI в. назальный звук в древнерусском языке исчез, следовательно, заимствование его эстонским языком должно было произойти до этого. Но нельзя сказать, начались эти языковые контакты в V в. или несколькими столетиями позже.

К. Вилкуна предполагал, что упомянутые ранние славянские заимствования получены не от восточных, а от западных славян.⁵³ В. Седов, считая, что первым славянским племенем, с которым вошли в контакт эстонские племена, были псковские кривичи, использовал это утверждение для доказательства своей гипотезы.⁵⁴ Он предполагает, что западнославянские заимствования попали в эстонский язык через предков кривичей, которые из Польши или междуречья Вислы и Немана продвинулись на Псковщину; они же дали прибалтийско-финским языкам наименование русских — *venelased*, происходящее из имени венедов.

Тот факт, что *venelased* 'русские' происходит от названия венедов, в настоящее время общепризнан. Однако лингвистические данные показывают, что связи между прибалтийско-финскими и западнославянскими племенами должны были возникнуть уже раньше, в последнем тысячелетии до нашей эры.⁵⁵ Это мнение языковедов разделял и Х. Моора, показав на основании археологического материала, что прибалтийско-финские племена поддерживали в те времена заморские связи с западнославянскими племенами.⁵⁶

В. Кипарский также утверждает, что наиболее древние славянские заимствования должны были попасть в прибалтийско-финские языки раньше, чем те же заимствования в балтийские (литовский, латышский) языки.⁵⁷ Балтийские же племена должны были прийти в соприкосновения с кривичами раньше, чем эстонские. Таким образом, нет оснований связывать древнейшие славянские заимствования с племенами кривичей.

⁴⁹ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 129.

⁵⁰ Там же, стр. 110.

⁵¹ P. Ariste, Vene laensõnadest vanemas eesti kirjakeeles. «Keel ja Kirjandus» 1958, nr. 1, стр. 25—28.

⁵² Там же, стр. 25—26.

⁵³ K. Vilkuuna, När kommo östersjötinnarna till Baltikum? Folk-Liv XII—XIII, 1948—49. Stockholm, 1949, стр. 25—32.

⁵⁴ В. В. Седов, Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 106—107.

⁵⁵ П. А. Аристе, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 24.

⁵⁶ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 104—105.

⁵⁷ V. Kiparsky, Suomalais-slaavilaisten koskentuksien ajoituksesta. «Virittäjä» 1956, nr. 1, стр. 81; В. Кипарский, О хронологии славяно-финских лексических отношений. В кн.: IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. М., 1962, стр. 428.

Следовательно, языковые факты не подтверждают того, что древнейшие контакты эстонского языка со славянским происходили именно через кривичей и начались в то время, когда в юго-восточной Эстонии появились курганы. Многочисленные русские заимствования в вырусском диалекте, очевидно, связаны с более поздними контактами, начало которых относится, вероятно, к X или XI в. В это время на южной части территории распространения вырусского диалекта, в окрестностях Печор и Изборска, появились типичные для славян курганы с труположениями, которые доходят до р. Пиуза. Севернее этой реки их нет. Заслуживает внимания тот факт, что эти славянские курганные могильники не закладывались на тех же местах, где во второй половине I тысячелетия располагались длинные и круглые курганы. Обособленное расположение более поздних славянских курганов подтверждает предположение о принадлежности их новому, прибывшему сюда населению.

Прекращение использования длинных и круглых курганов в юго-восточной Эстонии точно не определено из-за бедности их находками. М. Шмидехельм отмечает, что находок позднее IX (X?) в. в них не обнаружено.⁵⁸ Поэтому считалось, что к этому времени процесс ассимиляции кривичей эстонцами в юго-восточной Эстонии закончился и что позже нам известны оттуда опять только памятники эстонского характера. Это объяснение было бы логичным в том случае, если бы до появления длинных и круглых курганов эта часть юго-восточной Эстонии была плотно заселена эстонскими племенами. Однако поскольку курганы появились именно там, куда племена с западной территории распространения каменных могильников еще не успели проникнуть, естественно предположить, что имевшееся здесь редкое население само бы было ассимилировано пришельцами.

Обычай захоронения в курганы в юго-восточной Эстонии в IX или X в. не исчез полностью. Так, на территории распространения длинных курганов, в Метете (Пильваский район) раскопано два окруженных каменным венцом кургана, на дне которых было по труположению, а в насыпи обоих курганов еще и по трупосожжению. Как трупосожжения, так и труположения были снабжены богатым инвентарем из типичных для эстонцев предметов конца I или начала II тысячелетия.⁵⁹ Такие же курганы известны и в другом месте южной Эстонии, в Хуммули (Валгаский район). Найденные здесь предметы носят также типично эстонский характер.⁶⁰ Поскольку длинные и круглые курганы юго-восточной Эстонии еще относительно слабо изучены, среди них могут оказаться и другие курганы рубежа I—II тысячелетий.

В начале II тысячелетия на юго-востоке Эстонии, на территории распространения курганов, как и во всей остальной Эстонии, произошел переход к грунтовым могильникам.⁶¹ Местами юго-восточные эстонцы хоронили своих мертвых в старые курганы еще в XIV—XVII вв., по-видимому, считая эти курганы кладбищами своих предков, а не пришельцев.⁶² Х. Моора подчеркивал, что и старые письменные источники не содержат сведений о проживании в юго-восточной Эстонии славян.⁶³

Смешанное эстонско-русское население образовалось к югу от р. Пиуза в окрестностях Печор и Изборска, где известны, как уже отмечено, курганы начала II тысячелетия с труположениями славянского характера. Здесь эстонская группа сету, говорящая

⁵⁸ M. Schmiedehelm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. В кн.: *Slavi-läänemeresoome suhete ajaloost*, стр. 49.

⁵⁹ Инвентарь ИИ 1947; W. Bielenstein, Hügelgräber in Neu-Koiküll, Pölve, Livland. *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft* 1895. Dorpat, 1896, стр. 121 и сл.

⁶⁰ ИИ 1979; *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft* 1896. Jurjev (Dorpat), 1897, стр. 38.

⁶¹ Грунтовые могильники известны, напр., в дер. Тоосте (Пильваский район), инвентарь ИИ 4108 и в других местах.

⁶² Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В кн.: *Вопросы этнической истории эстонского народа*, стр. 131.

⁶³ Там же.

на вырусском диалекте, живет до наших дней вперемежку с русскими. И хотя материальная культура сету усвоила многие русские черты, группа эта до сих пор не ассимилировалась с русскими. Русско-эстонское смешанное население, очевидно, в более ранний период было шире распространено на территории Псковской области. Здесь, а также севернее, на территории, занятой водой, известны еще малоизученные своеобразные могильники XI—XIV вв., так наз. жальники, которые прежде считались славянскими памятниками, но в последнее время П. Третьяков связывает их с местным финно-угорским субстратом.⁶⁴

На территории смешанного сету-русского населения представлены как русские, так и эстонские топонимы. Однако русские топонимы не встречаются в районе распространения длинных курганов, расположенном севернее и западнее р. Пиузы.⁶⁵ Если бы эту территорию заселяли предки кривичей, то и здесь сохранились бы созданные ими топонимы.

Учитывая приведенные выше отличительные черты курганов псковской группы по сравнению со смоленскими курганами, приписываемыми славянско-балтийским племенам, и те общие черты, что объединяют их с каменными могильниками прибалтийско-финских племен, есть основания предполагать, что курганы псковской группы не оставлены кривичами, а этот вид могильников возник у местного чудского населения, территория расселения которых в свое время заходила дальше на восток и юго-восток и потомки которых до сих пор сохранились на юго-востоке Эстонии в качестве носителей вырусского диалекта эстонского языка.

*Институт истории
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
8/1 1971

⁶⁴ П. Н. Третьяков, У истоков древнерусской народности, стр. 151.

⁶⁵ По данным, полученным от исследователей топонимики Эстонии В. Палля и Я. Симма, здесь встречаются единичные русские топонимы. Однако, по свидетельству исторических источников, эти топонимы возникли только в XVI в. или еще позже.

S. LAUL

KAGU-EESTI KÄABASTE ETNILISEST KUULUVUSEST

Resüme

I aastatuhande esimesel poolel oli Kagu-Eesti lääneosas, tartu murde levikualal, tihenenud asustus ja moodustunud omaette hõimuala, kus iseloomuliku kalmevormina esines tarandkalmel. Kagu-Eesti idapoolne, võrumurdeline osa oli samal ajal hõredalt asustatud, sarnanedes mõnevõrra läänemeresoomlaste idapoolse piirkonnaga tänapäeva Velikije Luki ja Pihkva ümbruses, kust I aastatuhande esimesse poole kuuluvaid kalmeid ei tunta. Seda piirkonda peetakse (H. Moora) läänemeresoomse hõimude idarühma, nn. tšuudi hõimude asumisalaks.

Tšuudi hõimude asumisalal, Pihkva järve ja Velikaja jõe ümbruskonnas, tekkisid I aastatuhande keskpaiku kääbaskalmel, mis levisid ka Kagu-Eestis võru murde alal, ulatudes kuni tarandkalmetele ja tartu murde alani (joon. 1).

Pikkade ja ümmarguste kääbaste levikupiirkond ulatub Kagu-Eestist kuni Smolenskini. Sellel laialdasel territooriumil levinud kääpad erinevad üksteisest ajalisel, ehitusel ja leiumaterjalilt, mille alusel nad on jaotatud eri rühmadesse. Põhjapoolsed kääpad, millede hulka kuuluvad ka Kagu-Eesti omad, moodustavad nn. Pihkva kalmeterühma, lõunapoolsed — Polotski-Smolenski kalmeterühma.

Kääbastesse matnud elanikkonna etnilise kuuluvuse küsimuses on olnud mitmeid erinevaid arvamisid. Neid on peetud (S. Tarakanova, H. Moora, V. Sedov, P. Tretjakov, M. Schmiedehelm) idaslaavi, nimelt krivitši hõimude kalmeteks. Viimasel ajal on arvatud (I. Ljapuškin, E. Schmidt, V. Sedov), et Smolenski piirkonna kääpad kuuluvad idabalti või slaavistunud idabalti hõimudele.

Pihkva kääbasterühma peetakse (V. Sedov) endiselt kriviitide omaks. Kagu-Eesti kohta arvatakse (M. Schmiedehelm), et siin on slaavi elanikkonna kõrval olnud ka läänemeresoome ja balti etnilist elementi.

Viiimastel aastatel Kagu-Eestis tarandkalmete ja kääbaste kokkupuutepiirkonnas teostatud kaevamised on andnud uut materjali, mis osutab kääbaste ja tarandkalmete omavahelisele tihedale seosele. Ühiseid jooni ilmneb nende ehituses (kivikonstruktsioonid), rituaalsetes tavades (sõe- ja tuhakiht tarandkalmete ja Pihkva alal esinevate kääbaste all), samuti keraamikas. Loosi ja Kõnnu ajalisel tarandkalmetele järgnenud kääbastest (V–VI saj.) leitud tekstiil- ja siledapinnaline keraamika sarnaneb täiesti tarandkalmete hilisematest osadest leitud keraamikaga.

Kuna teine osa kääpaid on hilisemad, siis on ka neist leitud keraamika mõnevõrra erinev, kuid sarnaneb seejuures lõunaeeslaste hõimudele kuuluvaist linnustest leitud nn. rõuge tüüpi keraamikaga. Samasugust keraamikat on leitud ka neist Pihkva ala kääbastest, mis asetsevad Kagu-Eesti ida- ja kagupoolsetel naaberlald, ja selle piirkonna linnustest (Pihkva, Kamno). Seega tuleks rõuge tüüpi keraamikaga linnuseid ja Pihkva kääbasterühma pidada ühe ja sama hõimu muististeks. Smolenski ala kääbastest saadud urnid erinevad aga tunduvalt eespool käsitletud keraamikast.

Erinevused Pihkva ja lõunapoolsete kääbasterühma vahel ilmnevad mitte ainult keraamikas, vaid ka muus leiumaterjalis. Lõunapoolsete kääbaste leiuväikesus kannab latgalipärast ilmet. Pihkva kääbasterühma eripäraks aga on nende leiuväikesus. Seegi nähtus seob Pihkva kääbasterühma Kagu-Eesti tarandkalmetega, kus IV saj. lõpust alates panuste hulk samuti väheneb, hilisemad matused aga on peaaegu ilma panusteta.

Kui arvestada, et peale ehituses ja leiumaterjalis ilmnevate erijoonete erinevad Pihkva ja lõunapoolsete kääbasterühmad omavahel ka vanuselisel, siis võib arvata, et see laiald territooriumil levinud kalmevorm ei ole kuulunud ühele hõimurühmale.

Keeleteaduse andmed ei kinnita, et eesti keele varasemad kokkupuuted slaavi keelega oleksid toimunud just kriviitide kaudu ja alanud ajal, mil Kagu-Eestis hakkasid levima kääbaskalmed. Võru murdes esinevad rohked vene laenud ja venepärased häälikulised iseärasused on ilmselt pärit hilisematest kokkupuudetest, mis võisid alguse saada alles X või XI sajandil. Meenutame, et just sel ajal on võru murde ala lõunaossa, Petseri ja Irboska piirkonda, ilmunud tüüpilisi slaavipäraseid laibamatustega kääpaid, mille levikuala ulatub Piusa jõeni.

Arvestades Pihkva kääbasterühma erijooni, mis teda eristab balti-slaavi hõimudele kuuluvast Smolenski kääbasterühmast, ning paljusid ühiseid jooni, mis neil on läänemeresoome hõimude kivikalmetega, on alust oletada, et Pihkva rühma kääpad ei kuuluud mitte kriviitidele, vaid et see kalmevorm tekkis tšudui hõimudel, kelle asumisala ulatus varem kaugele itta ja kagusse ning kelle järeltulijad on tänaseni säilinud Eesti kaguosas võru murret kõneleva rahvastikuna.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut

Toimetusse saabunud
8. I 1971

S. LAUL

ÜBER DIE ETHNISCHE ZUGEHÖRIGKEIT DER HÜGELGRÄBER SÜDOSTESTLANDS

Zusammenfassung

Im Laufe der ersten Hälfte des I. Jahrtausends u. Z. hatte die Bevölkerungsdichte im westlichen Teil Südostestlands, im Verbreitungsgebiet des Tartuer Dialekts der estnischen Sprache, stark zugenommen, so daß sich dort eine besondere Stammesgruppe herausbildete, für welche Grabanlagen in Form von Tarandgräbern typisch waren. Der östliche Teil Südostestlands, wo der Võrusche Dialekt herrschte, war dagegen schwach besiedelt und glich in dieser Hinsicht dem noch östlicher gelegenen ostseefinnischen Siedlungsareal in der Gegend von Welikije Luki und Pskow, wo aus der ersten Hälfte des I. Jahrtausends bisher keine Gräber bekannt sind. Dieses Territorium wird als Siedlungsraum des östlichen Zweiges der ostseefinnischen Stämme der Tschuden betrachtet (H. Moora).

Um die Mitte des I. Jahrtausends kamen im Siedlungsgebiet der tschudischen Stämme, in der Umgegend von Pskow und der Welikaja, aus Lang- und Rundhügeln bestehende Grabanlagen auf, die auch nach Südostestland ins Areal des Võruschen Dialekts vordrangen und bis zum Verbreitungsgebiet des Tartuer Dialekts und der Tarandgräber reichten (Abb.).

Das Verbreitungsgebiet der Lang- und Rundhügelgräber erstreckte sich von Südostestland bis Smolensk. Auf diesem ausgedehnten Territorium lassen sich diese Hügel-

gräber in Gruppen einteilen, welche sich sowohl zeitlich als auch ihrem Aufbau und Fundstoff nach voneinander unterscheiden. Die nördlich gelegenen Hügelgräber, darunter auch die südostestländischen, lassen sich als eine besondere Pskowsche Gruppe ausscheiden, während die südlichen die Polotzk-Smolensker Gruppe bilden.

In der Frage nach der ethnischen Zugehörigkeit der Bevölkerung, welche ihre Toten in den Hügelgräbern bestattete, sind verschiedene Meinungen geäußert worden. Vornehmlich sind die Hügelgräber als Grabstätten der ostslawischen Stämme der Kriwitschen betrachtet worden (S. Tarakanova, H. Moorra, W. Sedow, P. Tretjakow, M. Schmiedehelm). In letzter Zeit hat man die Hügelgräber der Smolensker Gruppe ostbaltischen oder slawisierten ostbaltischen Stämmen zugeschrieben (I. Ljapuschkina, E. Schmidt, W. Sedow).

Die Pskowsche Gruppe der Hügelgräber gilt aber nach wie vor als den Kriwitschen gehörend (W. Sedow). In betreff Südostestlands besteht die Meinung (M. Schmiedehelm), daß hier außer den Slawen auch ostseefinnische und baltische ethnische Elemente siedelten.

Ausgrabungen der letzten Jahre in Südostestland an Orten, wo Hügel- und Tarandgräber unmittelbar zusammenstoßen, haben neues Material geliefert, welches auf nahe Zusammenhänge zwischen diesen beiden Gräberarten hinweist. Das erweist sich in ihrem Aufbau (Steinkonstruktionen), in der Gleichartigkeit mancher ritueller Bräuche (eine kohlenhaltige Ascheschicht auf dem Boden sowohl der Tarandgräber als auch der Hügelgräber der Pskowschen Gruppe) und in der Keramik. Die Textil- und glattwandige Keramik aus Hügelgräbern in Loosi und Könnu, welche zeitlich auf die nebenan befindlichen Tarandgräber folgen (5.—6. Jh.), entspricht genau der Tonware aus den späteren Teilen der südostestländischen Tarandgräber.

Da ein Teil der Hügelgräber jünger ist, enthalten sie auch anderartige Keramik, welche dagegen der auf den südostestländischen Burgbergen gefundenen Keramik vom sog. Røuge-Typus gleicht. Solche Keramik ist auch aus denjenigen Hügelgräbern der Pskowschen Gruppe bekannt, welche im östlichen und südöstlichen Nachbargebiet gelegen sind, und ebenso aus den dortigen Burgbergen (Pskow, Kammo). Daher lassen sich die Burgberge mit Keramik vom Røuge-Typus und die Hügelgräber vom Pskowschen Typus als Denkmäler gleicher Stämme betrachten. Die Urnen aus den Hügelgräbern der Smolensker Gruppe unterscheiden sich bedeutend von der hier beschriebenen Keramik.

Unterschiede zwischen den Hügelgräbern der Pskowschen und der südlichen Gruppen treten nicht nur in der Keramik, sondern auch im übrigen Fundstoff hervor. Die Beigaben der südlichen Hügelgräber tragen latgalisches Gepräge. Für die Hügelgräber der Pskowschen Gruppe ist aber ihre Fundarmut kennzeichnend. Auch dieser Zug verbindet die Hügelgräber der Pskowschen Gruppe mit den Tarandgräbern Südostestlands, in denen die Zahl der Beigaben vom 4. Jh. an abnimmt, so daß die späteren Bestattungen beinahe beigabenlos sind.

Zieht man in Betracht, daß zwischen den Hügelgräbern der Pskowschen Gruppe und denen der südlichen Gruppen außer Abweichungen in Aufbau und Fundstoff auch chronologische Unterschiede bestehen, so ist anzunehmen, daß diese auf so ausgedehntem Gebiet verbreitete Gräberart nicht ein und derselben Stammesgruppe angehört.

Die Ergebnisse der Sprachwissenschaft bestätigen nicht die Ansicht, daß die ältesten Kontakte zwischen der estnischen Sprache und den slawischen Sprachen sich durch die Vermittlung der Kriwitschen zu einer Zeit vollzogen hätten, als sich in Südostestland die Hügelgräber zu verbreiten begannen. Die im vörsuchen Dialekt zahlreichen russischen Lehnwörter wie auch manche phonetische, durch das Russische bedingte Eigentümlichkeiten, sind scheinbar auf spätere Kontakte zurückzuführen, die sich im 10. oder 11. Jh. anknüpfen konnten. Zu dieser Zeit erscheinen nämlich im Süden des Verbreitungsgebiets des vörsuchen Dialekts, in der Umgegend von Petschory und Izborsk, typisch slawische Hügelgräber mit Leichenbestattung, welche bis zum Piusa-Fluß hinreichen.

Betrachtet man die Besonderheiten der Hügelgräber der Pskowschen Gruppe im Vergleich zu den vermutlich baltisch-slawischen Stämmen angehörenden Hügelgräbern der Smolensker Gruppe; betrachtet man, weiter, eine Anzahl gemeinsamer Züge mit den Tarandgräbern der ostseefinnischen Stämme, so hat man Grund anzunehmen, daß die Hügelgräber der Pskowschen Gruppe nicht den Kriwitschen angehörten, sondern daß diese Grabform bei den Tschuden aufgekommen ist, deren Siedlungsgebiet sich ehemals weiter nach Osten und Süden erstreckte, und deren Nachfolger sich bis heute im Südosten Estlands als die den vörsuchen Dialekt der estnischen Sprache redende völkische Gruppe erhalten haben.

*Institut für Geschichtsforschung
der Akademie der Wissenschaften
der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 8. Jan. 1971